В манге Куробэ Макото преподносился как человек, которому ни до чего нет дела. С самого рождения он интуитивно чувствовал, что пропасть между ним и другими людьми слишком велика, потому ему ничего не оставалось, кроме как выражать свои эмоции, опираясь на окружение, и прикидываться идеальным учеником.

Он никогда не испытывал романтических чувств, не говоря уже о дружбе или любви к семье. Потому единственной мотивацией в общении с людьми для него была выгода. То же самое касалось и любви семейной: единственная причина, по которой он хорошо относился к своей сестре, Куробэ Мэй, заключалась в том, что благодаря этому другие люди думали, будто он «заботливый брат», но…

— Мэй, что скажешь о выпускной речи?

Репетиция выпуска. Во время перерыва брат дошел до мест учеников второго года и спросил меня, что я думаю о его речи.

— Неплохо…

— Да? А почему звучит так нерешительно? — спросил брат, внимательно изучая мое лицо.

В левой руке я держала сценарий, мою правую руку держал брат. Что касается реакции на это других людей: Юкари и Иваи смотрели на нас с подозрением, а остальные ученики говорили: «Ах, опять они так делают».

С аварии прошло три месяца, и с того самого дня мой брат открыто меня стерег.

На самом деле родители просили его приглядывать за мной еще после того, как я в восьмой раз прыгнула в пруд. Но когда их не было рядом, он игнорировал меня. Все изменилось после того случая: брат теперь держал меня за руку при любой удобной возможности. Я еще понимаю, когда за мать цепляется ребенок… Однако он на третьем году средний школы, здоровый лоб, мой старший брат. Из-за него я нервничала и чувствовала себя неоднозначно.

— Ничего не «нерешительно». Я же внимательно текст речи прочитала.

— Правда? Мэй, ты в последнее время сама не своя, — подозрительно уставился на меня брат.

Я хотела ответить, что это он здесь сам не свой. И заключалось это не только в ненормальном поведении. Например, когда мы после школы шли домой, он обычно ждал меня в заранее оговоренном месте, но сейчас брат забирал меня прямо из класса. Еще он уточнял в пятницу, как я собираюсь проводить выходные, спрашивая,

например:

— Ты собираешься в магазин?

— Нет.

— Тогда ладно.

Возможно, из-за того, что он увидел, как сбили человека, а не кота, все стало лишь хуже.

Однако его выпускной приближался. Кроме того, поскольку семестр закончился и со следующей недели начинались утренние занятия, я не могла делать ему бенто. Если все так пойдет и дальше, в старшей школе мой брат определенно с успехом проведет свою

смертельную игру. И тогда у меня не останется никакого иного выхода, кроме как запереть его в день, когда должна произойти игра.

В выпускной я тоже должна держать ухо востро: моего брата явно вдохновило то происшествие, хотя я почти не пострадала, однако сбили человека, потому склонности брата могли стать еще хуже, чем в манге.

— Эй, Мэй, опять в облаках витаешь.

Я повернулась на недовольное ворчание, и тут меня ткнули в щеку. Это мой брат ткнул меня указательным пальцем. Он смотрел на меня непередаваемым взглядом. А когда я попыталась укусить его за палец, ловко его отдернул.

— Ты первым меня ткнул, так чего уворачиваешься?

— Ты меня не слушала, — сказал он нарочито грустно, глядя прямо на меня.

Пока я беспокоилась за состояние брата, прозвенел звонок. Мы сидели в том порядке, в каком нас должны были вызывать, потому я оказалась между Иваи и Юкари. Когда я, поговорив с братом, вернулась на свое место, Иваи, сидевший рядом, толкнул меня локтем в бок.

— Чего?

— Его поведение после аварии изменилось, а? Того человека.

— Ну…

Иваи почему-то интересовало резко изменившееся поведение брата. Но вот с другими все было не так. Почему-то лишь Иваи и Юкари были удивлены внезапно изменившимся отношением ко мне брата. Однако аварии и госпитализация — редкое явление, немногие знают, как после этого вести себя с человеком. Так что ни классного руководителя, ни одноклассников не удивляло, что мой брат приходит в класс, чтобы забрать меня, и все время держит меня за руку.

Мой брат и трех месяцев не отходил к классу второго года, но крик: «Твой брат пришел!» уже звучит настолько привычно… Пугает. Что, черт возьми, мой брат планирует сделать? После аварии он относится ко мне более чем хорошо… Или, по крайней мере, так казалось. Нет, если не брать во внимание то, что он на самом деле думает обо мне, он всегда вел себя со мной по-доброму, но я не могла избавиться от ощущения, что сейчас это переходит границы разумного.

— Что с ним? — Иваи отнесся к ситуации с подозрением.

Я же ответила просто:

— Не знаю.

И повернулась вперед.

http://tl.rulate.ru/book/79653/3363002